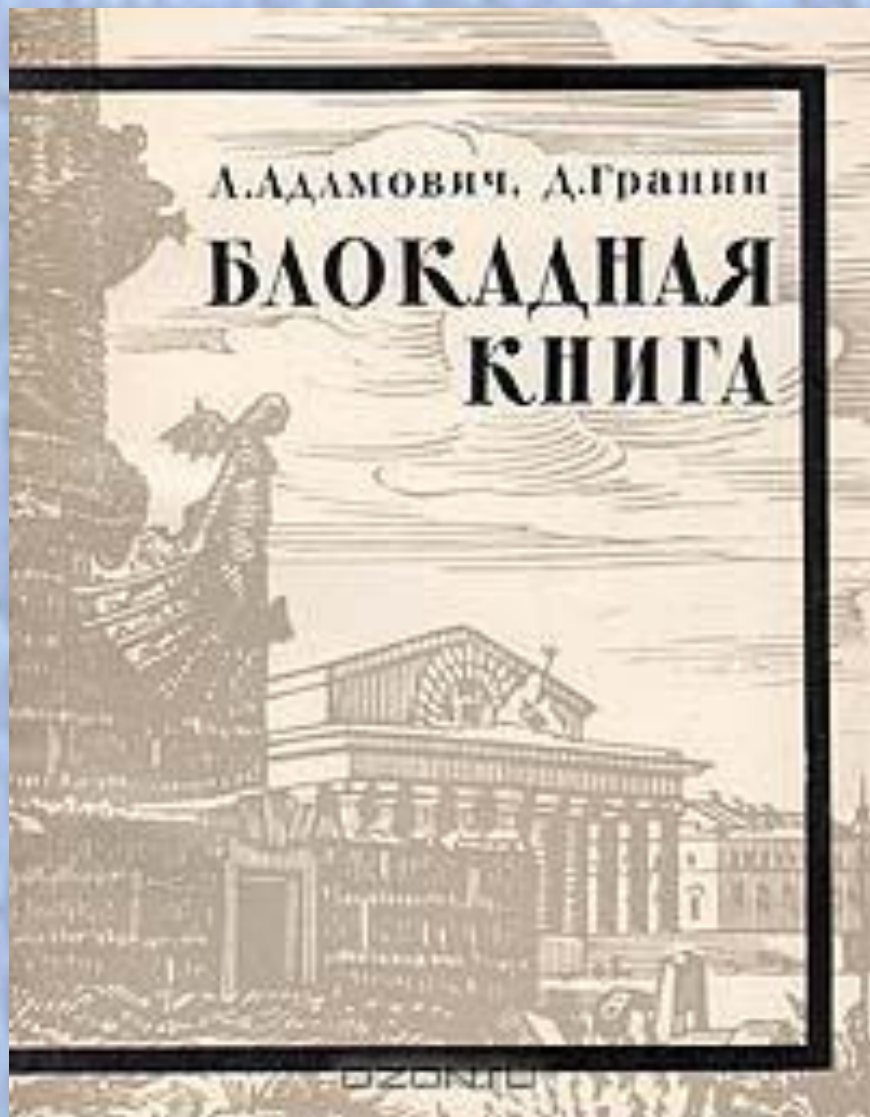

Даниил Гранин
Алесь Адамович

«Нам нужна книга о героизме, а вы написали о страданиях», — такой ответ получил Даниил Александрович Гранин, когда принес впервые «Блокадную книгу» в редакцию одного журнала, по этой причине она и была отвергнута. Это произведение было создано им в соавторстве с Алесем Адамовичем на основе фактического материала — документов, писем, а также воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду.

Авторы книги задавали блокадникам вопрос: «Почему вы выжили?»

Ответы ленинградцев вошли в «Блокадную книгу», рассказывающую историю борьбы за жизнь.

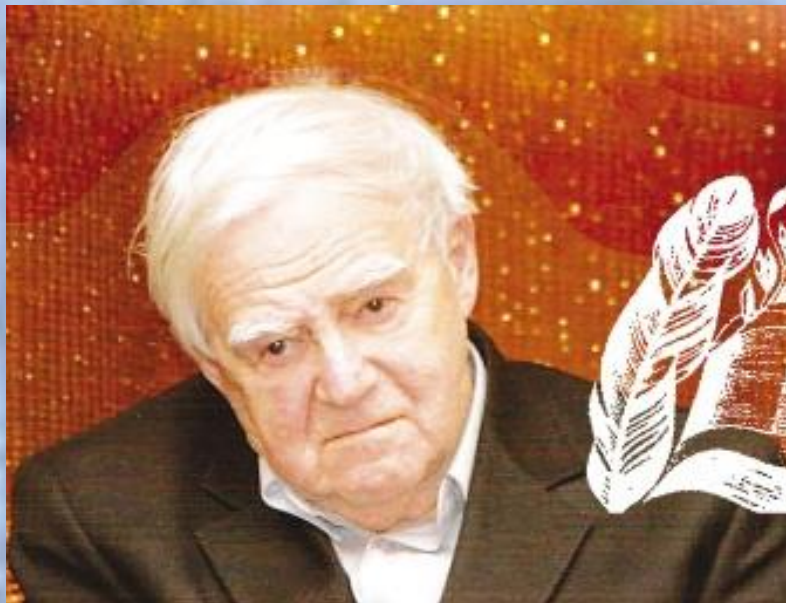

В Ленинграде на книгу был наложен запрет. Впервые небольшая ее часть была опубликована в 1977 году в журнале «Новый мир». Лишь в 1984 году книга вышла в издательстве «Лениздат», с большими цензурными изъятиями.

К 70-летию прорыва блокады Ленинграда Даниил Гранин представил новое издание «Блокадной книги».

Даниил Гранин: ***Я буду говорить не как писатель, не как историк, а лишь как солдат Второй мировой войны***

... Я, будучи на переднем крае начиная с 41 и часть 42-го года, честно признаюсь, возненавидел немцев не только как противников, солдат вермахта, но и как тех, кто вопреки всем законам воинской чести, солдатского достоинства, офицерских традиций и тому подобное уничтожали людей, горожан самым мучительным, бесчеловечным способом, воевали уже не оружием, а с помощью голода, дальнбойной артиллерией, бомбежек.

Уничтожали кого? - Мирных граждан, беззащитных, не могущих участвовать в поединке. *Это был нацизм в самом отвратительном виде, потому что они позволяли себе это делать, считая русских недочеловеками, считая нас чуть ли не дикарями и приматами, с которыми можно поступать как угодно.*

Я ПОМНЮ!

*На 100 островах раскинулся могучий и неповторимый город
Ленинград –*

непобедимый дух народа России

Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналы истории как своего рода героический миф...

Ленинград воплощает непобедимый дух народа России».

Вот что писала во время войны американская газета «Нью-Йорк таймс» о русском городе, выдержавшем страшную блокаду в годы Второй мировой войны.

900 дней мук и слез, горестей и смертей, надежд и тревог, труда и борьбы. Сколько бедствий встает сразу за этими строками — **900 героических дней.**

Ни один город, ни одна крепость за всю историю существования человечества не выносила столь жестокого испытания...

В подготовленных в ставке Гитлера документах «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября 1941 года указывалось:

«... б) сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией...

г) остатки гарнизона крепости останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен,

Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населённого пункта не представляет никакого интереса...

... сравниваем Ленинград с землей...

Жертвы первых обстрелов на углу Невского и Лиговского проспектов. Сентябрь 1941

Самым тяжелым временем в обороне Ленинграда стала зима 1941/42г. За 872 дня обороны Ленинграда противник обрушил на город около 148,5 тысячи снарядов.

Только за один день, 13 октября 1941 года, на Ленинград было сброшено 12 тысяч зажигательных бомб.

Ленинградские ополченцы

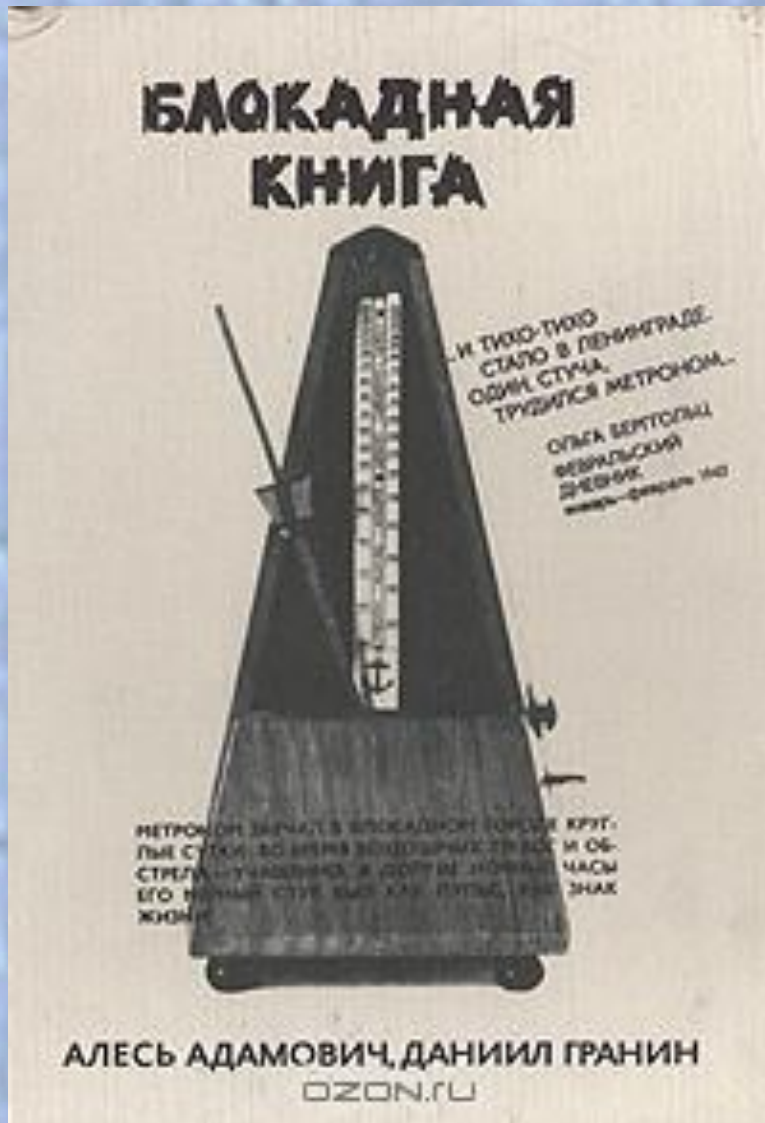
**В Музее истории
Ленинграда под стеклянным
колпаком хранится метроном.
Громко тикая, он отсчитывает
время.**

**Этот метроном включали в
Ленинградском
радиокомитете после
объявления воздушной
тревоги. И он стучал до отбоя,
как большое сердце города.
Сердце, которое нельзя
остановить.**

Из отзывов о книге...

....Раньше я не слишком интересовалась блокадой - были какие-то фильмы по телевизору, учебник истории, мероприятия в честь Дня Победы... О многих фактах, упомянутых в книгах, я знала, но не вдумывалась в них. Не задумывалась, например, о 125-200 граммах хлеба в день и страшном голоде, о морозе и темноте, об отсутствии элементарных удобств - куда больше меня пугали бомбежки. А в книге - что поразило меня в первую очередь - на них практически не обращают внимания. Голод и холод оказываются куда страшнее вражеских обстрелов.

Из отзывов о книге...

... Эта книга о героизме, но героизме «внутри семейном, внутриквартирном», **книга о пределах человека и его духовной силе, которая помогла многим людям пережить испытания голодом, холодом, обстрелами и в нечеловеческих условиях остаться людьми.**

В мире есть царь...

В блокадном кольце оказалось почти три миллиона горожан. Немцы разбомбили главные продовольственные склады - Бадаевские, и от малых запасов ничего не осталось. Наплевав на все законы войны и воинской чести, вермахт приступил к удушению огромного мегаполиса голодом. Фактически на Ленинградском фронте немцы начали войну с горожанами, запустив вместо себя голод.

Геббельс записывал в своем дневнике 10 сентября 1941 года:

«Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом».

Учёный – пицевик Цигельмайер вычислял, сколько может продлиться блокада при существующем рационе, когда люди начнут умирать, как будет происходить умирание, в какие сроки они все вымрут.

«Цигельмайер рассказывал мне (Гранину), что они точно знали, сколько у нас осталось продовольствия, знали, сколько людей в Ленинграде...

Позднее, после войны Цигельмайер изумлялся и все меня спрашивал: „Как же вы выдержали?! Как вы выдержали?! Как вы могли? Это совершенно невозможно! Я писал справку, что люди на таком пайке физически не могут жить. И поэтому не следует рисковать немецкими солдатами. Ленинградцы сами умрут, только не надо выпускать ни одного человека через фронт. Пускай их останется там больше, тогда они скорее умрут, и мы войдем в город совершенно свободно, не потеряем ни одного немецкого солдата“. Потом он говорил: „Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло?»

Юра Рябинкин, 1937 год

...Однажды мне принесли дневник блокадника. Юре было 14 лет, он жил с матерью и сестрой. Дневник нас поразил. Это была история совести мальчика. В булочных точно, до грамма, взвешивали порцию положенного хлеба. Для этого приходилось отрезать еще довески, чтобы выходило ровно 250-300 граммов. Обязанностью Юры в семье было достояться в очереди до хлеба и принести домой. В дневнике он признается, каких мучений ему стоило не отщипнуть по дороге кусочек хлеба, особенно терзал его довесок, неудержимо хотелось съесть этот маленький кусочек, ни мать, ни сестренка, казалось бы, не узнали об этом. Иногда он не выдерживал и съедал. Он описывает, как стыдно было, признается в своей жадности, а потом и в бессовестности - вор, украл у своих, у матери, у сестры хлеб насущный. Никто не знал об этом, но он мучился.

В квартире соседями были муж и жена, муж был какой-то крупный начальник по строительству оборонных сооружений, ему полагался дополнительный паек. На общей кухне жена готовила обед, варила кашу, обед, сколько раз Юру тянуло, когда она выходила, схватить чего-то, зачерпнуть хоть рукой горячей каши. Он казнил себя за свою постыдную слабость. В его дневнике поражает постоянный поединок голода и совести, борьба между ними, яростные схватки, причем ежедневные, попытки сохранить свою порядочность. Мы не знаем, сумел ли он выжить, из дневника видно, как убывали его силы, но даже уже полный дистрофик, он не позволял себе выпрашивать еду у соседей...

...И у меня тогда была мечта: "Мама! Неужели мы доживем до того времени, когда в булочной будут полные полки хлеба?!" Мне не верилось, что такое будет время. Я не мечтала о каких-то булочках, хотя бы только хлеба были полные полки. И я говорила: "Какие же мы будем счастливые, когда мы доживем до этого!" Я дожила до этого времени, увидела полные полки хлеба... Но до сих пор мы сушим сухарики, не выбрасываем хлеб...

По скромным подсчетам, за время блокады умерло больше 1 миллиона горожан.

Маршал Жуков приводит цифру - 1 миллион 200 тысяч голодных смертей. Смерть уничтожала тихо, безмолвно, день за днем, месяц за месяцем - все 900 дней.

Как укроешься от голода? Он настигал в стенах своего дома, на работе, в своей квартире среди кастрюль, сковородок, буфетов. В еду запускали немыслимые вещи - соскабливали клей с обоев, варили кожаные ремни. Ученые-химики в институтах перегоняли олифу. Съедали кошек, собак. С какого-то момента началось людоедство.

Из интервью с Даниилом Граниным

— Во время блокады мародеров расстреливали на месте, но также, я знаю, без суда и следствия пускали в расход людоедов. Можно ли осуждать этих обезумевших от голода, утративших человеческий облик несчастных, которых язык не поворачивается назвать людьми, и насколько часты были случаи, когда за неимением другой пищи ели себе подобных?

— Голод, я вам скажу, сдерживающих преград лишает: исчезает мораль, уходят нравственные запреты. Голод — это невероятное чувство, не отпускающее ни на миг, но, к удивлению моему и Адамовича, работая над этой книгой, мы поняли: Ленинград не расчеловечился, и это чудо! Да, людоедство имело место...

— ...ели детей?

— Были и вещи похуже.

— Хм, а что может быть хуже? Ну, например?

— Даже не хочу говорить... (Пауза). Представьте, что одного собственного ребенка скармливали другому, а было и то, о чем мы так и не написали. Никто ничего не запрещал, но... Не могли мы...

— Был какой-то удивительный случай выживания в блокаду, потрясший вас до глубины души?

— Да, мать кормила детей своей кровью, надрезая себе вены.

АЛЕСЬ АДАМОВИЧ
ДАНИИЛ ГРАНИН

БЛОКАДНАЯ КНИГА

... У матери умирает ребенок, ему три года. Она кладет труп между окон, каждый день отрезает по кусочку, чтобы накормить дочь. Спасала ее. Я говорил с этой матерью и с этой дочкой. Дочь не знала подробностей. А мать все знала, не позволила себе умереть, и не позволила себе сойти с ума, надо было спасти дочь. И спасла...

Из отзывов о книге...

... Я бесконечно злюсь на ту девушку, о которой было в самом начале книги - прослушав 2-х часовой рассказ блокадника о своей жизни она вышла и сказала ему:

- 125 грамм хлеба? Подумаешь. Я вообще могу хлеб не есть и ничего.

Я не понимаю и никогда не пойму, как человек, не взрослый еще, но оформившийся, которого учили читать, писать, у которого наверняка уже были какие-то отношения, у которого есть родители, братья – сестры, может просто взять и такое сказать. Насколько узок должен быть у такого человека ум и насколько жалок он сам по себе...

...Голодные, истощенные ленинградцы замерзали в своих неотопливаемых квартирах. Спали не раздеваясь. Месяцами. Живые рядом с умершими.

... Впереди меня стоял мальчик, лет девяти, может быть. Он был затянут каким-то платком, потом одеялом ватным был затянут, мальчик стоял промерзший. Холодно. Часть народа ушла, часть сменили другие, а мальчик не уходил. Я спрашиваю этого мальчишку: „А ты чего же не пойдешь погреться?“ А он: „Все равно дома холодно“. Я говорю: „Что же ты, один живешь?“ — „Да нет, с мамкой“. — „Так что же, мамка не может пойти?“ — „Да нет, не может. Она мертвая“. Я говорю: „Как мертвая?!“ — „Мамка умерла, жалко ведь ее. Теперь-то я догадался. Я ее теперь только на день кладу в постель, а ночью ставлю к печке. Она все равно мертвая. А то холодно от нее...

За водой для питья приходилось ходить на набережную Невы, с трудом спускаться на лед, брать воду в быстро замерзающих прорубях, а потом под обстрелом доставлять ее домой.

Улицы стали проспектами мертвых. Зима 1942 года

• Те, у кого еще находились силы, старались отвезти своих покойных родственников на санках на кладбища, где были вырыты огромные братские могилы. По пути, выбившись из сил, умирали сами.

Из интервью с Даниилом Граниным

... Даниил Александрович Гранин рассказал, какие слова стали ключевыми в ответе на вопрос «Как вам удалось выжить?» «Спаслись те, кто помогали другим. Те, кто стояли в длинных очередях, ухаживали за больными и работали. Все это они делали ради любви к родным и близким, из-за сострадания к окружающим.

Даже на грани смерти люди не “расчеловечивались”. Поднять упавшего, дать кружку кипятка — на это были нужны силы, которые удавалось найти только тем, кто стремился помогать. Казалось бы, чудо... чудо, которое выше причин и условий.

Мы хотели показать, как люди, воспитанные духовной культурой Ленинграда, смогли оставаться людьми, выстоять. Люди эти чувствовали себя участком фронта, они понимали, что до тех пор, пока город живой, он может отстаивать себя.

Блокада — пример того, как в тех страшных условиях люди не позволяли себе эгоизма, как сердечно, гуманно и милосердно они относились друг к другу. Это книга об интеллигенции и об интеллигентности, о городе, который отличался высокой культурой, интеллектом, своей интеллигенцией и духовной жизнью».

В городе не было топлива, но в Летнем саду не срубили ни единого дерева.

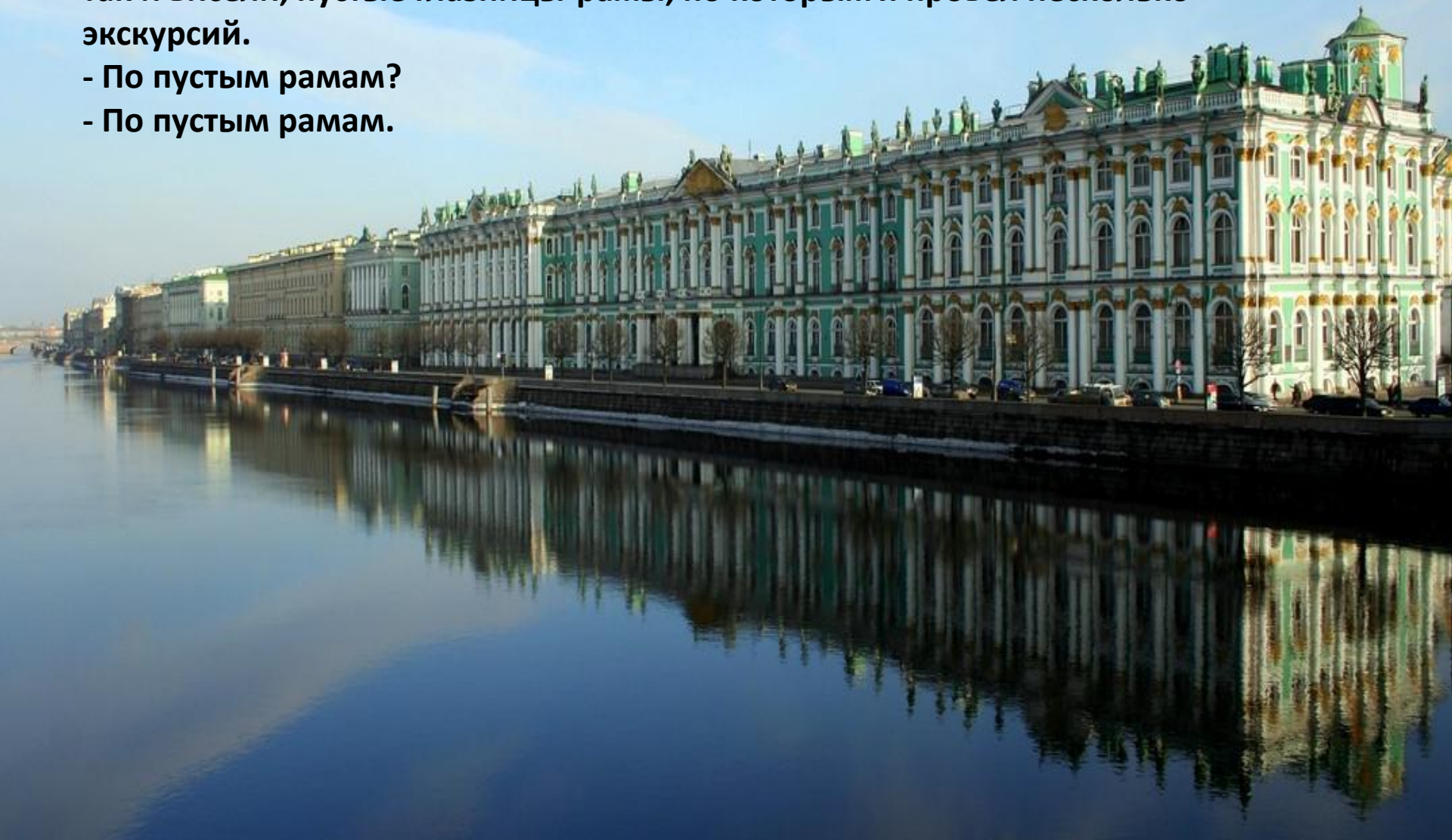
....Есть замечательные рассказы работников Публичной библиотеки, которые в самое голодное, отчаянное время перетаскивали в хранилища частные библиотеки умерших собирателей, ученых, библиофилов, те собрания, которые остались бесхозными, спасали книги из разбомбленных домов. Тащили их на санках, на тележках, на себе через весь город в книгохранилища Публички. Никто не заставлял их, не было на то указаний, ничем эта работа не поощрялась. Они любили книгу, они служили книге, поэтому они ее спасали.

- Какой вид имели залы?
- Пустые рамы! Это было мудрое распоряжение Орбели: все рамы оставить на месте. Благодаря этому Эрмитаж восстановил свою экспозицию через восемнадцать дней после возвращения картин из эвакуации! А в войну они так и висели, пустые глазницы-рамы, по которым я провел несколько экскурсий.
- По пустым рамам?
- По пустым рамам.

Ленинградские дети! Они были мужественны и стойки. Вместе со взрослыми трудились, боролись и... учились!

Учились, несмотря ни на что.

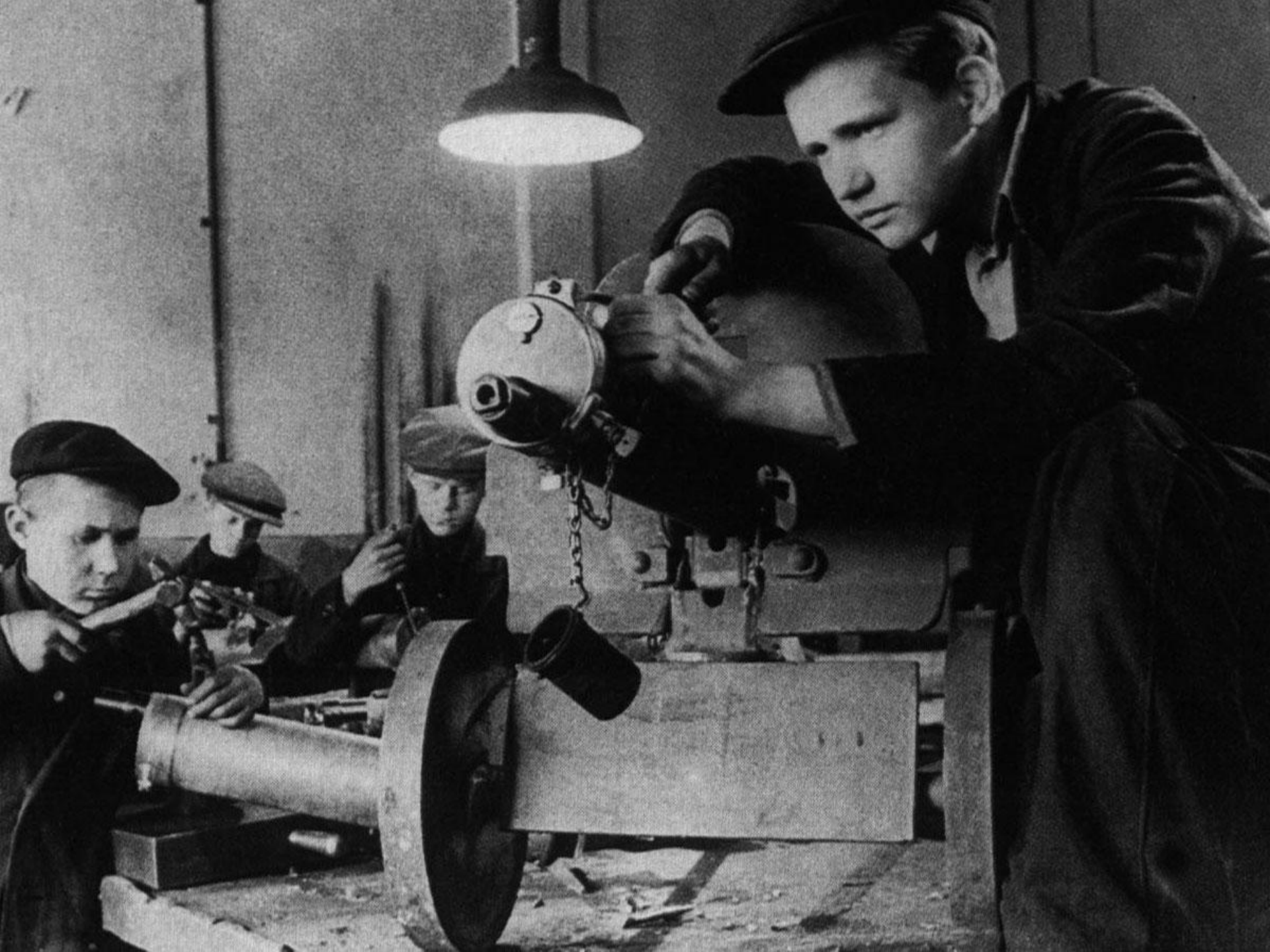
Учителя и ученики — ими другие из мерзлых квартир — сквозь стужу и снежные заносы шли за пять-шесть километров в такие же мерзлые, оледеневшие классы.

...Руки коченели, мел то и дело выскользывал из пальцев. Ученики шатались от голода. У всех была общая болезнь - дистрофия. А к ней прибавилась и цинга. Кровоточили десны, качались зубы.

Ученики умирали не только дома, на улице по дороге в школу, но, случалось, и прямо в классе...

9 августа 1942 года, в
блокадном Ленинграде
впервые прозвучала
Седьмая симфония
Дмитрия Шостаковича

Новое произведение Шостаковича потрясло слушателей: многие из них плакали, не скрывая слез. Великая музыка сумела выразить то, что объединяло людей в то трудное время, — ***веру в победу, жертвенность, безграничную любовь к своему городу и стране.***

КОНЦЕРТЫ
СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА
К. И. ЭЛЛАСБЕРГ
ШОСТАКОВИЧ
СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ

Во время исполнения Симфония транслировалась по радио, а также по громкоговорителям городской сети. Ее слышали не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска.

- ***Как потом говорили, немцы обезумели все, когда это слышали. Они-то считали, что город мертвый.***

...Тогда, 9 августа 1942 года, мы поняли, что проиграем войну. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть...- позднее признавался один из немецких офицеров.

Начиная с конца апреля 1942 на улицах и дорогах появились военнопленные, немецкие солдаты, которые приступили к восстановлению дорог, разборке домов и строительству новых...

Они были бледными, исхудалыми, всегда полуголодными, так как в городе, сидевшем на голодных пайках, не было достаточно продуктов

...И тогда, русские женщины, с исстрадавшимися лицами, потерявшие своих близких в адскую блокадную зиму или на фронтах войны, узрели страданье на исхудалых, бледных лицах своих врагов и неожиданно для себя, движимые душевным порывом сострадания, подходили втихую к солдатам, нередко со своими детьми, и делились с ними своей хлебной пайкой.

Пораженным немцам они говорили: «Наши мужья, отцы, сыновья погибли. Вы оказались в плену и должны жить, чтобы вернуться домой к своим матерям, женам, детям!»

Немецкие военнопленные были до глубины сердца изумлены и потрясены поведением русских женщин и детей, их великодушием, милосердием, бескорыстием и смелостью, потому что проявление добрых чувств по отношению к «врагам народа» было крайне опасно, грозило зачислением в ряды «шпионов», «изменников Родины», «предателей» и «иже с ними», с карающими последствиями: ссылкой или даже расстрелом.

Из отзывов о книге...

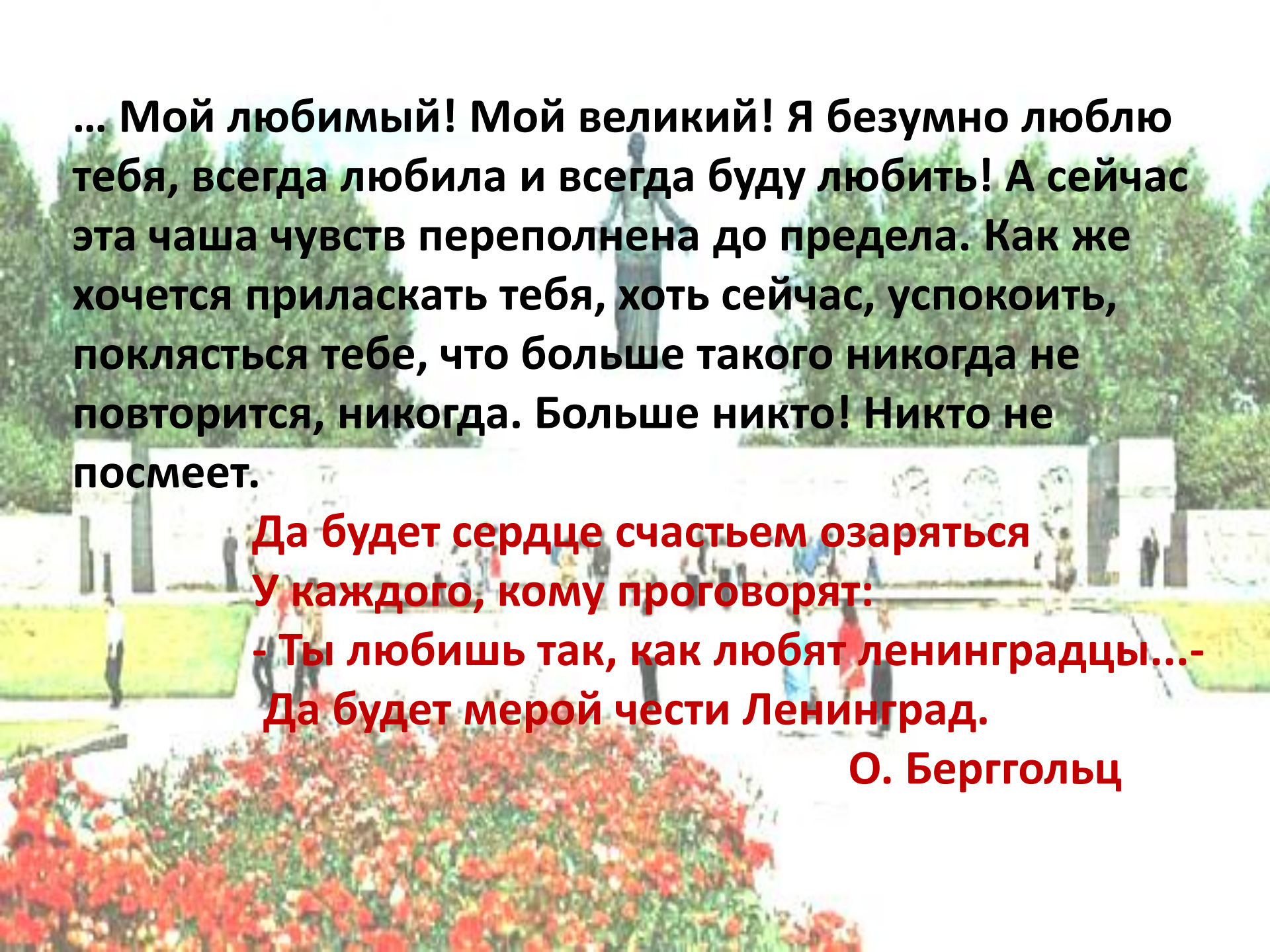
... Нам очень повезло, что не досталось испытать это на себе. Нам, наверное, даже не понять все это до конца. Когда читаешь про мать, которая выбирает между своими двумя детьми, кого спасти, а кого обречь на голодную смерть, потому что всем не выжить - волосы шевелятся от ужаса. Когда читаешь про мальчика, которого умирающая от истощения мать выгнала из дома без корки хлеба, понимаешь, что выдержать - для многих было выше их сил. И все же они выдержали. Спасибо, дорогие ленинградцы. Мы не забудем этого...

Из отзывов о книге...

... Не буду говорить, что эту книгу обязательно нужно прочитать, и что сделать это должен любой человек – далеко не каждый найдет в себе силы, чтобы читать о *таком*. Но вот хотя бы попытку сделать стоит определенно.

...Важно, чтобы эта книга — книга правды и памяти — была прочитана всеми, потому что пришло время знать и бережно хранить прошлое.

The background image shows a park scene. In the center, there is a tall, slender statue of a woman. Behind it, a large white building with several windows is visible. In the foreground, there is a large, vibrant flower bed with many red and orange flowers. The sky is bright and slightly overcast.

... Мой любимый! Мой великий! Я безумно люблю тебя, всегда любила и всегда буду любить! А сейчас эта чаша чувств переполнена до предела. Как же хочется приласкать тебя, хоть сейчас, успокоить, поклясться тебе, что больше такого никогда не повторится, никогда. Больше никто! Никто не посмеет.

**Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:**

**- Ты любишь так, как любят ленинградцы...-
Да будет мерой чести Ленинград.**

О. Берггольц

Опять война,
Опять блокада, -
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
"Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне".
И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
- Не права!

Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память - наша совесть.
Она, как сила, нам нужна.

Ю. Ворошилов.